

АВГУСТ

1.

Рано или поздно наступает день, когда любой человек, даже самый тупой, начинает понимать некоторые вещи. Со мной это случилось где-то ближе к середине отрочества, не раньше, так как взрослеть я не спешил и, по словам Амалии, так до конца никогда и не повзрослел.

Сначала я удивился, удивление сменилось разочарованием, а потом все в моей жизни и вовсе пошло наперекосяк. Были периоды, когда я сравнивал себя со слизняком. Не потому, что был некрасивым и хлипким, и не потому, что сегодня по причине особенно мрачного настроения мне хочется вспоминать себя именно таким. Просто я видел что-то родственное в свойственной слизнякам манере передвигаться и вообще существовать — неспешно и однообразно.

Жить мне осталось немного. Всего один год. Почему именно год? Трудно сказать. Но больше я точно не выдержу. Амалия, когда ее душила ненависть, обычно кричала, что я как был, так и останусь навсегда желторотым птенцом. Впрочем, женщины в порыве гнева часто пускают в ход подобные упреки. Моя мать тоже ненавидела моего отца, и я ее понимаю. Да он и сам себя ненавидел, и этим, видимо, объяснялась его привычка давать волю кулакам. Отличный пример имели мы с братом перед собой в родительском доме! И вообще, ведь что получается: они воспитывают нас черт знает как, калечат нам души, а потом хотят, чтобы мы выросли порядочными,

благодарными, добрыми людьми — и непременно добились в жизни успеха.

Лично мне жизнь не нравится. Возможно, она действительно прекрасна, как утверждают некоторые поэты и певцы, но мне она, повторяю, не нравится. И пусть никто не лезет ко мне со своими восторгами, описывая красоту закатного неба, или музыки, или полосок на тигриной шкуре. Хрен ли толку ото всей этой красоты! Жизнь кажется мне изобретением порочным, плохо задуманным и еще хуже реализованным. Я даже хотел бы поверить в существование Бога, чтобы призвать Его к ответу. И бросить Ему в лицо, что Он халтурщик. По-моему, Бог — это грязный старикашка, который с космических высот наблюдает, как разные биологические виды спариваются, дерутся за место под солнцем и пожирают друг друга. Бога извиняет только то, что Его нет. Но в любом случае оправдать Его я не могу.

В детстве жизнь мне нравилась. Очень нравилась, хотя тогда я этого не сознавал. Вечером мама, прежде чем погасить свет, целовала мои закрытые глаза. Больше всего я любил мамин запах. А вот от отца пахло плохо. Не в том смысле, что от него чем-то воняло, нет, но даже когда он пользовался одеколоном, запах его меня почему-то отталкивал. Однажды мы с отцом вдвоем обедали на кухне (мне было тогда лет семь или восемь), а мать лежала в постели с обычной своей мигренью, и он увидел, что я не хочу даже попробовать печенку, от одного вида которой меня тошнило. Отец просто взбесился, вытащил свой огромный член и сказал:

— Чтобы твой собственный когда-нибудь стал таким же, ты должен съесть и этот кусок печенки, и еще много-много других.

Не знаю, позволял ли он себе такое с моим братом. С Раулем родители нянчились куда больше, чем со мной. Видно, считали его слабеньким. Правда, теперь брат утверждает, что любимчиком в семье был я.

По мере того как я подрастал, жизнь нравилась мне все меньше и меньше, но все-таки еще нравилась. Зато сейчас не нравится вовсе, и я не намерен уступить Природе право решать, в какой миг буду обязан вернуть ей одолженные мне

на время атомы. Я покончу с собой ровно через год. Даже дату уже наметил: 31 июля, в среду вечером. Такой срок я даю себе, чтобы успеть привести в порядок дела и разобраться, почему не хочу больше жить. Надеюсь, решение мое будет неколебимо. Во всяком случае, пока я в этом твердо уверен.

Были периоды, когда я мечтал посвятить себя служению неким идеалам, но ничего из этого не вышло. Да и настоящую любовь мне узнать не довелось. Хотя я ловко притворялся — иногда из жалости, иногда из благодарности за ласковые слова, за проведенные вместе часы или за испытанный оргазм. Впрочем, думаю, другие вели и ведут себя точно так же. Наверное, во время сцены с несъеденной печенкой отец хотел таким вот необычным способом убедить меня в своей любви. К сожалению, есть вещи, которые ты, даже видя собственными глазами, не осознаешь разумом, пока не пропустишь через себя. Кроме того, любовь по принуждению — это не для меня. Может, я и вправду недоумок, как часто повторяла Амалия? Ну а другие? Все дело в том, что я не хочу быть таким, каков я есть. И поэтому без сожаления покину этот мир. Лицо у меня по-прежнему вполне привлекательное, и хотя мне уже исполнилось пятьдесят четыре, не лишен я и кое-каких достоинств, которые, правда, так и не сумел обратить себе на пользу. Я здоров, нормально зарабатываю, умею трезво взглянуть на вещи. Думаю, мне было бы полезно побывать на войне, как, впрочем, и моему отцу. Тот наверняка тоже мечтал поучаствовать в бою; а раз не довелось, воевал как со своими домашними, так и со всем, что нарушало его жизненный ритм, да и с самим собой впридачу. Еще один недоумок.

2.

В тот год мы всей семьей проводили летний отпуск на море, в поселке неподалеку от Аликанте. Наш папа был неудавшимся писателем, неудавшимся спортсменом, неудавшимся ученым и зарабатывал на жизнь, обучая студентов в университете. Мама служила на почте, вполне резонно решив обес-

печить себе финансовую независимость от мужа. То есть в материальном плане мы жили настолько хорошо, насколько это было в те времена доступно испанской семье среднего класса. У нас был новый синий “Сеат-124”. Мы с братом Раулитом учились в частной школе, на август родители могли снять у моря апартаменты с террасой и выходом к общему бассейну. Иными словами, у нас было все необходимое, чтобы чувствовать себя в меру счастливыми. И в тогдашнем своем возрасте, в четырнадцать лет, я и считал это счастьем.

Я провалил экзамен по одному из предметов, и в сентябре меня ждала пересдача. Взяв в руки табель с оценками, мама несколько раз с укором всхлипнула, и у нее сразу же разыгралась мигрень. Папа, которого отличали более незатейливые реакции, отвесил мне оплеуху, обозвал тупицей и поспешил вернуться к своей газете. Но все это отнюдь не нарушило мирного течения моей жизни. Кстати сказать, в детстве я мечтал стать взрослым, чтобы лупить своих детей. С ранних лет я усвоил, что это самое лучшее воспитательное средство. Правда, потом на собственного сына ни разу не поднял руки — вот почему мальчишка таким у нас и вырос.

Именно во время того летнего отпуска я стал свидетелем сцены, из-за которой в голове у меня замигал красный сигнал тревоги. Однажды мы с Раулитом возвращались домой после игры в мини-гольф, и я сунул ему за шиворот маленькую ящерицу. Обычная ребяческая шалость. Он испугался. Вообще-то, с таким братом, как я, ему приходилось несладко. Когда мы оба уже стали взрослыми, он после какого-то семейного праздника обвинил меня в том, что я отравил ему детство. Ну что на это ответишь? Я выбрал самый удобный вариант: попросил у него прощения.

— Поздновато спохватился, — отрезал брат, которого переполняла долго копившаяся ненависть.

Почувствовав ящерку у себя на спине, Раулит очень смешно подпрыгнул, чего я, собственно, и добивался. Что было дальше? Он споткнулся, упал и покатился по каменной насыпи, отделявшей дорогу от лимонной рощи. Правда, потом легко

вскочил на ноги, но, увидав свои ободранные в кровь коленки, заорал благим матом. Я велел ему заткнуться. Разве он не понимает, что мне за это влетит? Мама, услышав громкие вопли, выбежала из дому на улицу, папа появился следом; внешне он был спокоен, но, как я думаю, злился, что дурацкий переполох оторвал его от чтения, или от сестры, или от чего-то еще. Мама при виде крови без лишних вопросов дала мне затрещину. Папа, словно бы нехотя, дал еще одну. Как правило, мама сердилась сильнее, но была не так больно, как он. Брата повезли в медпункт, расположенный на набережной. И час спустя Раулито вернулся с пластырем на коленках и с перемазанным мороженым ртом. А теперь он будет утверждать, что не был в семье любимчиком.

Меня в наказание лишили ужина. Они втроем молча сидели за столом, тыкая вилками в большие кружки помидоров с маслом и солью, а я, уже натянув пижаму, тайком наблюдал за ними, прячась на самом верху винтовой лестницы. Я хотел знаками показать брату, чтобы он прихватил мне чего-нибудь поесть, но этот олух ни разу не посмотрел в мою сторону. На плите стояла кастрюля с супом, от которой поднимался пар. Мама поставила полную тарелку перед Раулитом. Тот нагнулся, словно желая весь пар вдохнуть в себя. А я в своем укрытии умирал от голода и зависти. Тем временем мама снова подошла к кастрюле, на сей раз с папиной тарелкой, и, когда уже наполнила ее, незаметно туда плюнула. Впрочем, плюнула — не совсем точное слово. Она позволила упасть в тарелку ниточке своей слюны. Слюна секунду повисела у нее на губе, а потом сорвалась вниз. Мама быстро перемешала половником суп в тарелке и подала папе. Мне со своего места хотелось предупредить его, но я вдруг понял, что сперва надо как следует обмозговать увиденное. Наши родители часто ссорились. Может, и в этот вечер они уже успели поссориться и потому ужинали молча и не глядя друг на друга? А вдруг мама и мне тоже когда-нибудь плевала в тарелку? Не исключено, конечно, что материнская слюна очень полезна, но тогда почему мама не плюнула и в суп Раулитом? Почему обидела своего несчастного любим-

чика? А может, плевать в тарелку мужа — это какая-нибудь старинная традиция, которую она переняла еще в детстве от своей матери или одной из теток?

3.

Допустим, в решающий момент я не струшу и выполню задуманное, но что тогда будет с Пепой? Не могу же я навязать ее Хромому, который и так никогда не отказывается в случае необходимости взять собаку к себе на ночь. Слава богу, что я дал себе год сроку на устройство этого и прочих важных дел. Пепе уже исполнилось тринадцать. Говорят, чтобы приравнять собачий возраст к человеческому, надо умножить его на семь, хотя далеко не всякой породе присуще такое жизнелюбие, как Пепе. Окажись моя собака дамой, ей было бы теперь под девяносто. Но любая старуха только позавидует ее резвости. На самом деле Пепа принадлежит Никите. Поэтому я мог бы за несколько часов до рокового мига привязать ее к дверям квартиры, где сын живет с другими “окупас”¹. И пока иной вариант мне в голову не приходит.

Амалия решительно возражала против нашей идеи завести щенка. У нас дома мы никогда никаких животных не держали. Едва зашла об этом речь, как Амалия стала перечислять аргументы против. От собак много грязи, они требуют постоянного ухода, страдают от паразитов, болеют, дерутся между собой, хулиганят, кусаются, гадят, от них воняет, на них надо тратить прорву денег. Хозяева к ним привязываются, а потом, когда собака умирает, ее очень жалко. Мне кажется, Амалия не постеснялась бы и подсчитать, сколько будет стоить укол, усыпляющий животное.

Поначалу я разделял ее мнение. Сын же твердил, что его школьному приятелю родители подарили щенка, и Никита

¹ “Окупас” (от исп. *осураг* — занимать, захватывать) — в Испании так называют группы молодежи, которые захватывают пустующие жилые и коммерческие помещения и которых довольно трудно оттуда выдворить из-за особенностей испанского законодательства. (Здесь и далее — прим. перев.)

не желал от него отставать. Но, как я заметил, особую настойчивость он проявлял, когда мы оставались с ним вдвоем. Иными словами, старался привлечь меня на свою сторону тайком от несговорчивой матери. Было ясно, что сын считал меня более слабым звеном в семейной иерархии. Прямо он этого не говорил, но мне не стоило труда угадать его мысли. Я несколько не обиделся, наоборот, даже расчувствовался. В поведении Никиты не было презрения к отцу, скорее — ощущение некоторого сродства. Мы оба оказались в лагере слабаков и, только объединив усилия, могли противостоять воле нашей повелительницы, чтобы добиться своего. И разумеется, мы их объединили. С некоторых пор я стал гораздо активнее ратовать за покупку собаки. Мало того, в тактических целях изображал из себя человека рассудительного и озабоченного проблемами воспитания. Но потерпел поражение. Тогда я обратился за советом к Марте Гутьеррес, единственной из коллег по школе, кому более или менее доверял и с кем мог поделиться личными проблемами. А вдруг ей придет в голову, как повлиять на упрямую и непреклонную женщину и заставить ее уступить в семейном споре. Марта поинтересовалась, не свою ли жену я имею в виду.

— Нет, я говорю о женщинах в целом.

— Не бывает женщин в целом.

— Ладно, речь действительно идет о моей жене.

И я рассказал про собаку и в общих чертах обрисовал характер Амалии. Тогда Марта посоветовала воздействовать на нее через *эмоциональный интеллект*. Я ответил, что это звучит для меня китайской грамотой. Марта объяснила: надо пробудить в Амалии муки совести. Каким образом? Мы с сыном должны всеми силами стараться показать, как нам грустно и какие мы несчастные, давая понять, что виновата в этом только она. Возможно, Амалия почувствует свою неправоту или, по крайней мере, какую-то неловкость перед нами, усомнится в собственной позиции и в конце концов уступит, хотя бы только ради мира в семье. По словам Марты Гутьеррес, такая тактика не всегда приводит к успеху, но ведь попытка — не пытка.

И это подействовало, правда, нам пришлось принять целый ряд условий, выдвинутых Амалией, и условий весьма жестких. Сама она ни секунды не потратит на собаку. Не будет выводить ее гулять, не будет кормить и так далее. И чтобы доказать, что это не пустые слова, с первого же дня не позволяла щенку даже приближаться к себе. А он не желал понимать ее жестов и упорно пытался влезть к Амалии на колени, виляя хвостом в знак любви и дружбы.

— Почему ты не хочешь погладить его? — спросил я.

Указав пальцем на что-то, она ответила:

— А почему ты не хочешь убрать вот это?

Щенок напустил лужу на ковер. Я схватил мокрую тряпку, потом поработал феном, и на ковре не осталось никакого следа. И запаха тоже не осталось. Щенячья моча почти не пахнет. Амалия, не поверив мне, встала на колени и сама в этом убедилась. Кстати сказать, она высмеяла все клички, которые придумывали мы с Никитой. В ответ мы предложили:

— Ну, тогда придумай сама.

— Пепа, — сухо бросила жена.

— Пепа? Почему?

— Нипочему.

Так мы собаку и назвали.

4.

Первое анонимное послание, найденное мною в почтовом ящике, было написано от руки и целиком заглавными буквами. “Небось дело рук какого-нибудь вредного соседа”, — подумал я. В тот раз мне и в голову не пришло, что за этой запиской следует много других и она открывает историю длиной почти в двенадцать лет. Я скомкал листок и, выйдя вечером на прогулку с Пепой, швырнул его в лужу. Помню только, что записка состояла из двух строк: это был выговор за то, что мы не убиваем на улице собачьи кучки. А еще там присутствовало слово “свинья”. Обычно я ношу с собой в кармане не меньше пары полиэтиленовых пакетиков, но должен признаться, что поначалу

(потом такое уже не повторялось) я мог во время прогулки погрузиться в свои мысли, или обдумывал завтрашние уроки, или мне попросту было лень наклоняться, и, уверенный, что меня никто не видит, не убирал за собакой. Не исключаю, что записка была адресована Никите, который тоже выгуливал Пепу. Амалии я не сказал ни слова.

5.

Не знаю почему, но в начале семидесятых мы всей семьей поехали в Париж, а не, скажем, в Сеговию или Толедо, то есть куда-нибудь поближе, где люди объясняются на нашем языке. Папа говорил на ломаном французском, мама не знала по-французски ни слова. Возможно, причиной поездки было желание поразить соседей или доказать родственникам, что мы семья дружная и обеспеченная.

Там была река. Не уверен, что знал тогда ее название, а может, и знал, сейчас это уже не имеет никакого значения. Также затрудняюсь сказать, по какому мосту мы двигались и куда. Зато точно помню, что впереди шли папа и мама, между ними — Раулито, а я отставал от них на шесть-семь шагов. Они держали Раулито за руки, и он как будто бы служил для них связующим звеном. Мне казалось, что они любят его больше, чем меня. Хуже того, его они любят, а меня нет или заботятся только о нем, а про старшего сына просто-напросто забыли. А ведь я мог попасть под машину либо под мотоцикл, они же, не заметив моей гибели, шагали бы себе дальше как ни в чем не бывало. От мыслей об их равнодушном ко мне отношении я по-настоящему страдал. И тут совсем рядом увидел перила моста, на которые легко было взобраться, внизу — мутную и спокойную реку, отражавшую послеполуденное солнце. Хорошо помню звук, с каким я погрузился в воду, а также удивившее меня ощущение внезапного холода. Падая вниз, я слышал женские крики. Но прежде чем я успел наглотаться воды, чьи-то сильные руки вытолкнули меня на поверхность. Папа потерял в реке ботинки. Потом он не один год с гордостью рассказывал эту ис-

торию и считал мое спасение главным подвигом своей жизни. В душе он был очень доволен тем, что пришли в негодность наручные часы, видимо весьма дорогие, которые в былые времена принадлежали его отцу. На папу часто нападало желание похвастать своим геройством. Ведь в миг, когда надо было выбирать между сыном и часами, он без колебаний принял решение.

Ни мама, ни он не стали меня ругать. Мама была настолько потрясена и настолько благодарна мужу, что прямо на глазах зевая, окруживших нас на дорожке у берега, обняла его, мокрого с головы до ног, и осыпала поцелуями. Папа любил пошутить, что я родился дважды. В первый раз жизнь мне дала мама, а во второй — он.

Помню, что в гостиничном номере повсюду были разложены для просушки папины вещи — черная папка, паспорт, бумажные франки и так далее. Вечером мы отпраздновали в ресторане то, что я не утонул, и папа один выпил целую бутылку вина. При этом он посадил себе спереди на рубашку большое лиловое пятно, но мама на сей раз сочла за лучшее промолчать.